

В стихах и прозе

Справка «ММ»

Владимир Вельямидов родился 5 июня 1950 года в Магнитогорске. После окончания школы поступил на факультет русского языка и литературы Магнитогорского государственного педагогического института. С 1989 по1991 год был членом редколлегии и соавтором машинописного журнала «Странник», издаваемого городским клубом любителей фантастики. В 2001 году удостоен первой премии литературного конкурса имени К. М. Нефедьева в номинации «Малая проза».

Он не мог похвастаться большим количеством литературных достижений. Но одного его цикла рассказов «Кое-что о полковнике М.» оказалось достаточно, чтобы занять достойное место в литературных кругах Магнитки. Сам Владимир Михайлович настолько сросся со своим главным героем, что незнакомым людям нередко представлялся: «Полковник Вельямидов». Как свидетельствуют люди, знавшие Вельямидова, умер он на 63 году жизни от «случайной бытовой травмы». А один из его почитателей «ВКонтакте» написал: «Ушла эпоха!»

Владимир Вельямидов

Старинная легенда

о том, как начинающий полковник перестал пить красное вино и вступил в советский комсомол, а потом жаловался по этому и по другим поводам в ЮНЕСКО.

Дело было так.
В ночь на самый главный праздник пролетариев всех оттенков кожи полковник наконец-то решился:
– Перестану. И всё!..
Потом, когда праздник уже наступил, он слегка посомневался:
– Перестать или не перестать?
Пришло утро со своим нежным светом, и полковник решился основательно:
– Нет, никогда не перестану. Буду вечно молодой!
Вот уже по улицам родного посёлка заводского типа тронулись стройные

ряды жителей. С ними рядом шагал решившийся полковник.
– А что же дальше делать? – думал он. – С кем быть?
В это время рядом проходил советский комсомол.
–А-а-а... была, не была. Вступлю. Вдруг примут.
Приняли.
Потом ещё раз.
Всё стало интересно.
Когда кончили принимать, полковник, по обыкновению, начал выступать:
– Х-х-хто виноват?
Тут подъехала самоходка и всех пригласили в агрегат.
– Счас прям, собрался!.. – духарился полковник, но комсомол не поддержал, так как уже смылся.
– А где же советский комсомол? – опомнился главный самоходчик.
– Да бог с ним, давай, поехали! Меньше народу – больше кислороду!.. – кричал полковник в сердцах.
Самоходный аппарат начал движение и стал двигаться только вперёд.
В это время полковник, про себя конечно, сочинял жалостливое письмо в ЮНЕСКО.

«Здравствуй, дорогая Юнеска! Так плохо без тебя. Кругом простые русские люди. Один я полковник. Конечно, никто меня не любит. Давай с тобою дружить. Сегодня я наконец-то решил было перестать. А ты? Как там у тебя-то? Хотя я тебя почти не знаю, но догадываюсь, что ты хорошая. Мой рост почти прекратился. Не женился, нет. Пока неохота. Ну, что я всё о себе да о себе. Расскажи, что у вас издают? У нас почти ничего. Издательство «Красная пропаганда», о котором ты спрашивала в передаче радио «Свобода», почти не работает. Нет бумаги. Её скупил газета «Поселковый разнорабочий». Но я всё равно иногда думаю. Примерно вот так: «Я агентом ФБР не был. Я агентом ФРГ не был. Я агентом ГДР не был!.. Стать агентом у тебя мне бы...» Почём у вас русские полковники? У нас почти задаром. Хотя всё равно на всех желающих не хватает. Но если тебе сильно нужно, напиши. Я сам прибуду, ладно?.. Ну, пока. Вроде, доехали. Зовут на выход».

И полковник Меламудов резво выпрыгнул из самоходного агрегата. Праздник, меж тем, продолжался.

Поэзия

* * *

Превыше всех иных даров –
Уменье слушать,
Когда под градом чуждых слов
Немеют души,
Когда готов убить уже
Того, кто против,
Когда неведомы душе
Сама и плоть их,
И каждый над собой вознёс
Раздора знамя, –
Но вовремя простёр Христос
Ладонь над нами.

Пока не рассвело

– Алло! – в милицию звонят, –
Пришлите в дом за мной наряд,
И – хоть бы в камеру,
хоть в клетку,
Ну только пусть на эту ночь
Хотя бы стоя пол толочь –
Свезите ближе к человеку!

– Эй, – режет крик стекло окна, –
Вы, неумятая шпана,
Вы, милые, родные детки, –
Ко мне, в квартиру сорок шесть!
И половинка торта есть,
И – хоть варенье, хоть конфетки...

Соседка, вызови «ноль-три»,
Что хочешь им наговори:
Соври, что дверь не открываю,
Что в окнах месяц нет огня, –
Но пусть потрогают меня
И скажут мне, что я – живая.

Алло!.. Алло!.. Алло!.. Алло!..
И так, пока не рассвело.
А днём – то солнышко посветит,
То ошибётся почтальон,
То двери оживит трезвон –
Балуются чужие дети...
– Алло!..

Жизнь сначала

Конечно, и утро прохладно,
И только в намёке – трава,
И грач произносит нескладно,
Не вовсе по-русски слова.

Ещё непролазны дороги,
Но рада почуть нога
И берег упруго-пологий,
Спровадивший в речку снега,

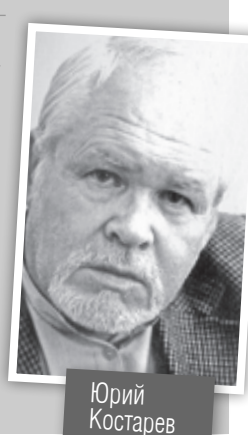
На финише буйного века

Справка «ММ»

Юрий Костарев родился 7 июня 1941 года в посёлке Агаповка в семье спецпереселенцев. После школы окончил Магнитогорское ремесленное училище № 13 по специальности «сталевар». Работал на ММК. Отслужив в армии, стал литературным сотрудником газеты «Магнитогорский металл» и одновременно учился в Уральском государственном университете.

Первое заметное произведение, опубликованное в «ММ», – «Баллада о капле стали». В 1969 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького на поэтический семинар А. Жарова. Продолжал заниматься журналистикой – работал на Магнитогорском телевидении. Некоторое время руководил городским литературным объединением «Красное солнышко».

Вслед за изданием книги стихов «Языческая ночь» в 1998 году был принят в члены Союза писателей России. После смерти в свет вышли ещё две книги Юрия Костарева: «По правилам любви» (2003) и «У живой воды» (2006).

Юрий Костарев

И эти прозрачные лужи,
И эту непрочную твердь...
Но словно и не было стужи –
И необязательна смерть.

Но между остатних сугробов
Ликует картаво ручей,
И ветер притворно-сурово
Напутствует в небо грачей.

Но дали пронизаны синью,
Но солнце стекает с весла...
И это такая Россия,
И это такая весна!

И грех отпрянет
Там, за чертою языка, –
Уже на уровне прозренья –
Так опалает озаренье,
Что в миг вмещаются века.

Уже вне слов и языка –
За гранью просто пониманья –
Такое обжигает знание,
Какого ты и не искал.

И, благо, существует Тот,
Кто не умеет быть не мудрым:
Он, посылая солнце утром,
Опять слова тебе вернёт –

И по-отечески внушит
Не перешагивать границу...

И добрый сон тебе приснится –
И грех отпрянет от души.

На том берегу Леты

Предтечи мои, азды!
В путь собираясь дальний,
Что никому не ведом,
Вопросом я маюсь давним:

А как же там – на незримом,
На том берегу Леты:
Случаются там зимы?
Ласкается там лето?

На том берегу Леты,
Где нам уготован роздых, –
В иное земля одета?
Под сводом – иной воздух?

В обычае там слёзы?
Пугает волна страха?
Даруют ли там лозы
Священный нектар Вакха?

А символ его главный –
По-прежнему чтим в жёнах?
Или покой хладный
Там леденит влюблённых?..

...Из подземелий Аида
Лирников нет ответа:
Всё навсегда забыто
Испившими воду Леты...

А наш ледяной берег
Сквозными продут ветрами.
И друг не всегда верен,
И я – то в славе, то в сраме.

Но сквозь ледяные узоры
Зреют грозой рассветы.
Взмывают по реям шторы.
Любовь мне сулит ответы.

А я ещё всласть не отведал
Мёд поцелуйного лета.
Мне рано балдеть, азды,
На том берегу Леты!

Из цикла «Реанимация»

1. Снова жить

И только отдышавшись на краю
Порою проклинаямой мной жизни,
Я понял всю напрасность укоризны
За долю неприятную мою.

Жить! –
пусть и снова предаёт мечта
И обольщает попусту надежда...
Подзадержусь ещё,
пожалуй, между
Мечтой и неизбежностью креста.

2. Ночное

Вот ведь приобрёл привычку –
жить.

А теперь как от неё отвыкнуть?
Знаешь, что тончает жизни нить,
И придётся неизбежно сникнуть.

Но судьбе противится душа –
Тёплая, уютная, живая...
Ах, тоска, – ночная, ножевая:
Был бы рядом кто,
к себе прижал,
По бедовой голове погладил –
И ещё бы на день всё уладил.

Преодоление

Свалился, как берег в реку –
Обрушился, грохнул...
Подбила любовь на бегу –
Не охнул.

И только когда понесло,
Корёжа, калеча,
А чье-то слепое весло
Крушило мне плечи,

А злой торжествующий смех
Глушил мои уши,
Я понял, чей это грех –
Кто берег обрушил.

Стремнину любви одолев,
Опять я на суше;
И тело моё, отболев,
Глядит оскорблённо на душу.

Свалился, как берег в реку,
Течением смятый...
Но вал этот мой – на веку
Ещё не девятый!

* * *

Пожевать кусочек хлеба,
Поглядеть немножко в небо
(Да, в таком порядке вот) –
Вот и всё, что нам потребно:
Хлебно чтобы, чтобы нежно,
Человечно – день и год...
Только не наоборот.

Жить, глядеть в святое небо
И не есть чужого хлеба
(Так, а не наоборот) –
Так хотелось бы, мой Боже!
Но душа – внутри, а кожа
Всё же ласки женской ждёт...
Так вот – не наоборот.

И стою под небом, молча...
Сытно. Стыдно. Полночно.
А душа вопит бессрочно:
– Боже, что ты за народ! –
Так, а не наоборот?